
Ю. И. Семенов

**ОБ ИЗНАЧАЛЬНОЙ ФОРМЕ ПЕРВОБИТНЫХ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

Положение исторического материализма о том, что в основе общества лежит система производственных, социально-экономических отношений, в равной степени справедливо по отношению ко всем общественно-экономическим формациям, включая и первобытнообщинную¹. Поэтому понятно, какое огромное значение для изучения истории первобытного общества имеет разработка теории его социально-экономической структуры.

Долгое время сколько-нибудь плодотворная работа в этой области была невозможной в связи с отсутствием достаточного количества достоверного фактического материала. В настоящее время, когда в рамках этнографической науки оформилась дисциплина, специализирующаяся на исследовании экономических отношений первобытного и протоклассового обществ,—экономическая антропология или этноэкономика², разработка теории первобытной экономики стала не только возможной, но и насущно необходимой. Выполнение этой задачи стало потребностью развития самой науки.

Непревзойденным образцом теории социально-экономической структуры конкретной общественно-экономической формации является созданная К. Марксом политическая экономия капитализма. Теории экономики³ других общественно-экономических формаций не могут не отличаться от теории капиталистической экономики. И это понятно. Их объектами являются иные системы производственных отношений, качественно отличные от капиталистической. Но при всем отличии они должны быть сходными с экономической теорией, созданной гением Маркса, по крайней мере, в одном отношении. Подобно тому как теория капиталистической экономики, созданная К. Марксом, является воспроизведением внутренней объективной логики эволюции капиталистической системы производственных отношений, теория любой экономики должна представлять собой воспроизведение объективной необходимости соответствующей системы социально-экономических отношений. Относится, разумеется, это и к теории первобытной экономики. Разработка последней с необходимостью предполагает выделение основных этапов эволюции первобытных производственных отношений и раскрытие внутреннего механизма перехода от одного этапа к другому.

Следует сразу же подчеркнуть, что проблема эволюции первобытной экономики относится к числу наименее разработанных в этноэкономической литературе. Современные зарубежные исследователи, как правило,

¹ Подробнее об этом см. *Ю. И. Семенов. О специфике первобытных производственных (социально-экономических) отношений.*— «Сов. этнография», 1976, № 4.

² Об истории и современном состоянии этой дисциплины см. *Ю. И. Семенов. Теоретические проблемы «экономической антропологии».*— Сб. «Этнологические исследования за рубежом». М., 1973.

³ Термин «экономика» имеет несколько смыслов. В данном случае под экономикой понимается система производственных отношений, образующая фундамент общества.

вообще отказываются ставить вопрос о стадиях эволюции первобытных производственных отношений. Они в основном ограничиваются выделением и описанием различных их форм, нередко при этом подчеркивая, что данные формы нельзя рассматривать как стадии развития⁴. Исследователей, стоявших на позициях марксизма, всегда характеризовало стремление подойти к первобытной экономике исторически. Однако, обращаясь к первобытным производственным отношениям, они чаще всего изображали их эволюцию только как процесс разложения первобытного коллективизма. При этом нередко упускалось из вида, что сам первобытный коллективизм не оставался неизменным и что изменения, которым он подвергался, не могут быть охарактеризованы просто как его разложение. В течение длительного периода времени первобытный коллективизм не разлагался, не вытеснялся и не заменялся качественно иными отношениями, а развивался, менял формы, переходил с одной ступени развития на другую. И вполне понятно, что теория первобытной экономики должна прежде всего быть воспроизведением объективной логики развития первобытного коллективизма.

Когда ставится задача создания схемы эволюции того или иного явления, особую важность приобретает вопрос о начальном, исходном ее моменте. Без правильного ответа на него невозможно создание претендующей на соответствие с действительностью схемы развития. Вопрос об исходной форме первобытных производственных отношений или, что то же самое, о начальной стадии эволюции первобытного коллективизма крайне сложен.

Сложность эта в первую очередь связана с тем, что этнографии не известен ни один народ, экономические отношения у которого находились бы на самой первой стадии. Все без исключения первобытно-общинные социальные организмы, с которыми имеет дело этнография, далеко ушли от исходного состояния, не говоря уже о том, что все они подверглись воздействию со стороны более развитых народов. Последнее обстоятельство тоже не могло не сказаться, причем иногда весьма существенно, на их экономике.

Таким образом, начальную стадию развития первобытной экономики нельзя наблюдать воочию. Ее можно только восстановить, реконструировать, основываясь на материалах, почерпнутых из наблюдений над народами, экономика которых в большей или меньшей степени отдалена от исходной.

Вполне понятно, что исследователь, поставивший своей задачей восстановить первоначальную форму первобытной экономики, должен прежде всего обратиться к данным, относящимся к народам, находящимся на возможно низкой стадии эволюции первобытного общества, в первую очередь к низшим охотникам и собирателям. Однако материалы, которыми располагает этнография об экономических отношениях в социальных организмах низших охотников и собирателей, носят большей частью отрывочный и фрагментарный характер. Это чаще всего отдельные места в описаниях путешественников и трудах этнографов. Из них можно понять, что в обществе этих народов господствовали коллективистические отношения. Но определить конкретную их форму зачастую представляется совершенно невозможным. Суждения наблюдателей, к сожалению, обычно носят самый общий характер.

Однако являясь трудной, задача реконструкции первоначальной формы первобытных производственных отношений не представляется совершенно невозможной.

Одна из важных особенностей эволюции первобытных коллективистических отношений заключается в том, что возникновение новой их фор-

⁴ «Primitive, archaic and modern economies. Essays of K. Polanyi», N. Y., 1968, p. 155, 156.

мы не означало полного исчезновения старой. Оно означало лишь сужение сферы действия старых форм коллективизма. Но последние долго еще продолжали существовать наряду с новыми, причем совершенно не обязательно лишь в виде пережитка. Как отмечают исследователи, в первобытных социальных организациях обычно одновременно действовало несколько разных систем распределения продуктов⁵.

В одно и то же время и внутри одного и того же круга лиц одни продукты распределялись по одним нормам, а другие — по другим. В одно и то же время одни и те же продукты распределялись между одними лицами по одним нормам, а между другими — по другим⁶. И наконец, в разное время и в разных условиях продукты могли распределяться между одними и теми же людьми по разным нормам. Иными словами, в одном и том же конкретном первобытном обществе нормы распределения могли быть различными в зависимости от того, какие именно продукты, между кем, в какое время и в каких условиях распределялись.

В одном и том же обществе сосуществовали различные формы не только распределения, но и обмена. Как отмечают многие исследователи, во многих первобытных обществах наличествовали обособленные друг от друга сферы циркуляции материальных благ, в каждой из которых действовали разные принципы распределения и обмена⁷.

Длительное сохранение старых социально-экономических отношений после возникновения новых открывает реальную возможность реконструкции последовательных стадий эволюции первобытной экономики. Но вполне понятно, что эта реконструкция будет истинной лишь при условии, если мы сможем правильно установить, какие именно из сосуществующих форм социально-экономических отношений являются более архаичными, а какие — новыми. Неверный ответ на этот вопрос неизбежно привел бы к созданию такой схемы эволюции, которая расходилась бы с действительностью.

Этнографические данные позволяют выявить некоторые объективные критерии различия между более и менее архаичными производственными отношениями.

Как уже неоднократно отмечалось в этноэкономической литературе, главным объектом собственности и распределения в первобытном обществе была пища. Именно объективная необходимость в нейтрализации влияния случайностей при добывании пищи в условиях, когда весь или почти весь общественный продукт является жизнеобеспечивающим, когда избыточной продукт отсутствует или мал, вызвала к жизни первобытный коллективизм, породила коллективистическую собственность и уравнительное распределение. Поэтому именно в сфере распределения пищи дольше всего сохранялись самые архаичные формы распределения. Даже у тех племен, у которых возникло имущественное неравенство и зачаточные формы эксплуатации человека человеком, нередко в сфере распределения пищи продолжали в значительной степени действовать нормы уравнительного распределения. В качестве примера можно указать на толова-тутутни Калифорнии, у которых отчетливо выраженное имущественное неравенство и долговое рабство существовали бок о бок с уравнительным распределением охотничьей добычи⁸.

⁵ D. Damas. Central Eskimo systems of food sharing.— «Ethnology», v. 11, № 3, 1972.

⁶ См., например, об этом: M. D. Sahlins. On the sociology of primitive exchange.— «The relevance of models for social anthropology». London, 1968, p. 149—158, 186—200.

⁷ См.: C. Du Bois. The wealth concept as an integrative factor in Tolowa-Tututni culture.— «Essays in anthropology». Berkeley, 1936; P. Bohannan. Some principles of exchange and investment among Tiv.— «American Anthropologist», v. 57, № 1, 1955; R. F. Salisbury. From steel to stone: economic consequence of a technological change in New Guinea. Melbourne, 1962, p. 39—41; F. Firth. Primitive Polynesian economy. London, 1965, p. 340—344.

⁸ C. Du Bois. Указ. раб., с. 51.

У большинства народов, уже перешедших к земледелию и скотоводству, обычно продолжали сохраняться в качестве дополнительных занятий охота и собирательство. И если в новых областях деятельности утверждались новые формы производственных отношений, то в старых нередко продолжали сохраняться прежние, более примитивные. И вероятность сохранения в области распределения, например продуктов охоты, старых норм в таком обществе была тем большей, чем меньшую роль играли эти продукты в жизни общества. При этом у земледельческих народов иногда сохранялись в области распределения продуктов охоты такие нормы, которые исчезли у племен, продолжавших развиваться без выхода за пределы присваивающего хозяйства. И эти нормы могли не только сохраняться, но даже распространяться на иные продукты. Это позволяет привлекать для реконструкции начальной формы производственных отношений материалы по народам не только с присваивающим, но и производящим хозяйством.

Но наибольшие шансы на восстановление исходного пункта развития первобытной экономики дает очень своеобразное явление, которое можно было бы охарактеризовать как обратимость эволюции производственных отношений.

Прогресс первобытных производственных отношений теснейшим образом связан с увеличением объема производимого продукта, который в свою очередь является в конечном счете показателем уровня развития производительных сил. Самая архаичная, первоначальная форма производственных отношений соответствовала такому уровню развития производительных сил, когда создавался исключительно лишь жизнеобеспечивающий продукт. С появлением более или менее регулярного избыточного продукта возникла новая форма социально-экономических отношений. Дальнейший рост избыточного продукта имел своим результатом появление еще более прогрессивных форм.

Но в условиях присваивающего хозяйства объем созданного продукта зависел не только от степени совершенства средств труда и опыта производителей, но и от различного рода природных факторов, не поддающихся контролю человека. Эти факторы могли приводить как к возрастанию, так и уменьшению объема добываемого продукта. Такие колебания нередко носили чисто случайный характер. Но они могли также происходить более или менее систематически, что имело место тогда, когда эти колебания были обусловлены периодическими изменениями природных условий, в частности сменой сезонов года.

Вполне понятно, что иногда объем продукта уменьшался настолько, что он весь превращался исключительно лишь в жизнеобеспечивающий. И в первобытных обществах, в которых сокращение объема продукта происходило не от случая к случаю, а периодически, причем нередко в таких масштабах, что весь он становился жизнеобеспечивающим, нередко вырабатывалась такая форма обеспечения существования членов общества (а тем самым и самого общества), как обратимость производственных отношений. Когда весь продукт становился жизнеобеспечивающим, господствовавшие в нормальных условиях производственные отношения на время отходили на задний план, а взамен их выдвигались на первый план более архаичные формы, которые в предшествующее время либо совсем не проявлялись, либо играли второстепенную роль.

Наиболее изученным из такого рода обществ является эскимосское.

Отдельные группы эскимосов значительно отличались друг от друга уровнем социально-экономического развития. В одних группах создавался сравнительно большой избыточный продукт, что имело своим следствием возникновение довольно значительного имущественного неравенства. Таковы многие эскимосы Аляски. В других группах избыточный продукт был сравнительно невелик. Соответственно в них почти безраздельно господствовали коллективистические отношения. Таковы многие

эскимосы Канады (нетсилик, иглулик, медные, карибу), а также эскимосы Гренландии, прежде всего полярные. Именно материалы о формах распределения пищи в этих группах представляют наибольшую ценность для решения поставленной задачи. Обратимость экономических отношений по мере сокращения объема продукта бросается у них в глаза. Так, например, канадский этнограф Д. Дамас, выявив существование у центральных эскимосов (медных, нетсилик, иглулик) трех разных систем распределения мяса, писал, что «взяты вместе эти различные системы образуют перекрывающую и взаимосвязанную сеть распределения, которая обеспечивает страхование против капризов охоты и служит средством компенсации разного искусства охотников. При этом дележ мяса являлся наиболее полным, когда охотничья добыча едва покрывает текущие нужды или ниже их»⁹.

Согласно утверждению подавляющего большинства исследователей, во всех эскимосских группах существовало то, что они именуют личной, индивидуальной или даже частной собственностью. Причем многие из них заявляют, что в собственности отдельных лиц или семей находилась пища. Особенно характерны в этом отношении сведения Д. Дженнесса о медных эскимосах. У них родственные элементарные семьи не только бродят в поисках добычи вместе, но иногда даже живут в одном помещении. Однако при этом не только орудия и утварь, но и запасы пищи, принадлежащие каждой из семей, хранятся отдельно, какими бы близкими ни были родственные узы¹⁰. И в дальнейшем изложении Д. Дженнесс подчеркивает неоднократно, что пища у медных эскимосов является семейной собственностью. И прежде всего это относится к пище, запасаемой на зиму. Как утверждает исследователь, взять пищу из чужого зимнего склада считается серьезным преступлением¹¹. О существовании у различных групп эскимосов семейной собственности на пищу вообще, зимние склады пищи прежде всего, пишут многие исследователи¹².

Однако те же авторы сообщают, что когда наступает голодная пора, все ограничения снимаются и пища становится общей собственностью. Каждый получает полное право взять из склада любой семьи пищу, в которой нуждается. Общей собственностью становится и любое животное, убитое в это время. Каждый получает право взять часть добычи, совершенно независимо от того, участвовал он в охоте или не участвовал¹³.

Но если у большинства эскимосских групп такого рода отношения носили экстраординарный характер, то у некоторых они были повседневным явлением. Так, например, согласно сообщению К. Расмуссена, еще в начале XX в. они чуть ли не господствовали в сфере распределения пищи у одной из групп эскимосов нетсилик. «Люди одного и того же селения,— писал он об уткиликьялингмиют,— живут совместно летом и зимой в состоянии такого резко выраженного коммунизма, что у них не существует даже дележа охотничьей добычи. Все мясо поедается сов-

⁹ D. Damas. Указ. раб., с. 227.

¹⁰ D. Jenness. The life of the Copper Eskimos.— «Report of the Canadian arctic expeditions 1913—1918», v. 12. Ottawa, 1922, p. 85.

¹¹ Там же, с. 90.

¹² H. Rink. Tales and tradition of the Eskimo: with sketch of their habits, religion, language and other peculiarities. Edinburgh and London, 1875, p. 29; K. Birket-Smith. The Caribou Eskimos. Material and social life and their cultural position. I.— «Report of the fifth Thule expedition 1921—1924» (далее — RTE), v. 5. Copenhagen, 1929, p. 143; K. Rasmussen. The Netsilik Eskimos. Social life and spiritual culture.— RTE, v. 8, № 1—2, Copenhagen, 1931; p. 147, 173; E. M. Weyer. The Eskimos. Their environment and folkways. Hamden, Conn, 1962, p. 184, 185.

¹³ H. Rink. Указ. раб., с. 28, 29, 31; D. Jenness. Указ. раб., с. 90; K. Birket-Smith. The Eskimos. London, 1936; p. 149; ego же. The Caribou Eskimos, p. 263; E. M. Weyer. Указ. раб., с. 186.

местно столь быстро, сколь это возможно, хотя мужчины и женщины едят отдельно»¹⁴.

К выводу о том, что описанные отношения являются самыми архаичными из всех существующих у эскимосов, пришел в своей работе, посвященной общественному строю этого народа, советский этнограф Л. А. Файнберг. Он же обратил внимание на автоматическое восстановление этих архаичных норм во время голода¹⁵. На наш взгляд, описанные отношения являются не только самыми архаичными у эскимосов, но и вообще самой древней, исходной формой первобытных производственных отношений.

На самом раннем этапе эволюции первобытной экономики данные отношения были единственно существующими в первобытных социальных организмах. А это означало, что в сфере их действия находилась не только пища, но и весь вообще общественный продукт. Суть этих отношений заключалась в том, что все продукты труда, и прежде всего пищи, находились не только в полной собственности, но и в безраздельном распоряжении коллектива. Общественным продуктом мог распоряжаться только коллектив в целом, но ни один из его членов отдельно. Каждый член коллектива имел право на долю продукта, но она не поступала в ни в его собственность, ни в его распоряжение. Он не мог использовать ее для какой-либо иной цели, кроме непосредственного физического потребления. Иначе говоря, он мог потреблять ее и только. И вследствие этого процесс распределения пищи был теснейшим образом связан с процессом потребления.

Наглядным воплощением основной особенности этих отношений — перехода пищи только в потребление индивида, в его желудок, но не в его собственность и даже распоряжение — был способ распределения и одновременно потребления пищи, бытовавший у целого ряда эскимосских групп. Большой кусок мяса шел по кругу. Каждый мужчина отрезал от него такую порцию, которую мог взять в рот, и передавал следующему, который проделывал то же самое. К тому времени, когда кусок возвращался к тому же человеку, последний успевал прожевать и проглотить первую порцию и отрезать вторую. И таким образом кусок циркулировал до тех пор, пока его не съедали. Подобным же образом шел по кругу и сосуд с супом. Каждый делал глоток и передавал следующему. Такой метод распределения наблюдался как у центральных, так и полярных эскимосов¹⁶.

У эвенков было зафиксировано такого же рода распределение особого блюда, представляющего собой кашу из размельченного лосиного мяса. «Котел, — описывает А. Миддендорф, сам принимавший участие в трапезе, — обошел весь кружок, каждый брал полную ложку и передавал котел соседу. Опять соблюдалось высшее приличие с спокойным ожиданием очереди»¹⁷. То же самое наблюдалось и после охоты на медведя¹⁸.

Сходные порядки существовали у бушменов. У них большой кусок также переходил от одного присутствующего к другому и каждый при этом брал для себя весьма умеренную долю. Если пищи было мало, то брали ровно столько, сколько можно было проглотить за один прием¹⁹.

¹⁴ К. Rasmussen. The Netsilik Eskimos, p. 483.

¹⁵ Л. А. Файнберг. Общественный строй эскимосов и алеутов. М., 1964, с. 117—120.

¹⁶ T. Mathiassen. Material culture of the Iglulik Eskimos.— RTE, v. 6, № 1, Copenhagen, 1928, p. 901; «Peter Freichen's book of Eskimo». Cleveland, N. Y., 1961, p. 138.

¹⁷ А. Миддендорф. Путешествие на Север и Восток Сибири, ч. II. Север и Восток Сибири в естественноисторическом отношении. СПб., 1869, с. 714.

¹⁸ Личное сообщение В. А. Туголукова.

¹⁹ L. Marshall. Sharing, talking and giving: relief of social tension among Kung Bushmen.— «Africa», v. 31, № 3, 1961, p. 235.

собственностью, а данные социально-экономические отношения — *разборно-коммуналистическими*.

В пользу положения о том, что разборно-коммуналистические отношения были первоначальной, исходной формой коммуналистических отношений, а тем самым и первобытнообщинных вообще, говорят данные не только этнографии. В нашей книге «Происхождение брака и семьи» в числе других тем была рассмотрена проблема генезиса социально-экономических отношений. Не повторяя сказанного в ней, подчеркнем только, что материалы приматологии, этологии, археологии и палеоантропологии, вместе взятые, свидетельствуют о том, что процесс становления производственных отношений мог завершиться только возникновением разборно-коммуналистических связей²¹.

Трудно сказать, когда именно окончательно завершился процесс становления разборно-коммуналистических отношений. Но есть все основания полагать, что это произошло еще в эпоху первобытного человеческого стада. Во всяком случае, на наш взгляд, не может быть сомнения в том, что сменившая на грани раннего и позднего палеолита первобытное стадо первобытная община была уже подлинной коммуной. На самом раннем этапе ее развития разборно-коммуналистические отношения господствовали в ней безраздельно.

Из всех известных народов разборно-коммуналистические отношения в наибольшей степени сохранились у эскимосов Канады и Гренландии. Помимо уже приведенных выше свидетельств, имеется и много других.

Обычная добыча в нормальных условиях в большинстве эскимосских групп не подлежала разбору. Она распределялась по иным правилам. Однако добыча, которая выделялась своими размерами, редкостью или другими особенностями, поступала непосредственно в общую собственность. Так, например, когда убивалось особо крупное животное, каждый мог прийти и взять свою долю, никого не спрашивая²². У некоторых групп эскимосов так же обстояло дело с первой в сезоне крупной добычей охотника, а также первой в жизни добычей юноши²³.

Если совместное потребление всей пищи в течение целого года всем селением, описанное К. Расмуссеном у уткиликьялингмюит, было редким явлением, то значительно более широкое распространение у центральных эскимосов имел обычай, согласно которому в летнее время пища для целого поселка готовилась поочередно замужними женщинами. Когда женщина, очередь которой подошла, кончала готовить, ее муж становился рядом с очагом и кричал, созывая всех жителей селения. При этом еда не распределялась между семьями. Все мужчины селения садились в круг. Другой круг образовывали женщины и дети. В каждом из этих двух кругов от одного человека к другому шел большой кусок мяса и сосуд с супом. Каждый из сидящих отрезал себе небольшой кусок, проглатывал ложку супа и передавал следующему²⁴.

Сходные порядки мы находим у веддов Шри Ланка, у которых замужние женщины тоже нередко поочередно готовили пищу для всей общины²⁵.

Разборные отношения были зафиксированы у аборигенов Австралии. Когда австралиец племени нариньери убивал эму, то птицу ощипывали, жарили, а затем в месте, обязательно находившемся за пределами лагеря, разрезали на множество частей, удобных для потребления.

²¹ См. Ю. И. Семенов. Происхождение брака и семьи. М., 1974, с. 94—110.

²² H. Rink. Указ. раб., с. 29; K. Birket-Smith. The Eskimos, p. 149; E. M. Weyer. Указ. раб., с. 176, 186.

²³ H. Rink. Указ. раб., с. 29; K. Rasmussen. Intellectual culture of the Copper Eskimo.— RTE, v. 9, Copenhagen, 1932, p. 37, 43; E. M. Weyer. Указ. раб., с. 183.

²⁴ F. Boas. The Central Eskimo.—«Sixth annual report of the Bureau of Ethnology to 1884—85». Washington, 1888, p. 577—588.

²⁵ C. S. Seligman and B. Z. Seligman. The Veddas. Cambridge, 1911, p. 86.

После окончания данной операции все куски приносились в лагерь, где они и поедались мужчинами, женщинами и детьми²⁶.

У племени шепара все члены локальной группы рано утром покидали лагерь в поисках пищи. Когда ее было добыто достаточно, все отправлялись к ближайшему источнику, где и занимались приготовлением. Когда пища была готова, мужчины, женщины и дети совместно поедали ее. Пищу между всеми присутствующими распределяли старики²⁷. Последнее обстоятельство, на первый взгляд, казалось бы, говорит с том, что мы имеем здесь дело не с разбором, а с иной формой распределения. Ведь люди не брали пищу сами, а им ее давали. Однако о тех или иных отношениях распределения следует, прежде всего, судить не по внешнему проявлению, а по их внутренней сущности. Одна и та же внутренняя сущность может проявиться в разных внешних формах. В данном случае, хотя люди и не сами брали долю пищи, а получали ее, она переходила в потребление индивидов, но не в их распоряжение. Об этом говорит и тот факт, что все оставшееся несъеденным относилось женщинами в лагерь, в то время как мужчины снова отправлялись на охоту²⁸.

У племени мукьяравайнт охотники, убив кенгуру, прежде всего готовили его, а затем ели часть мяса. И только после этого наступал черед иным формам распределения²⁹.

Как уже отмечалось, при разборе процесс распределения был теснейшим образом связан с процессом потребления. Получив свою долю, люди ее тотчас же потребляли. Поэтому пищевые продукты, которые не принято было потреблять в сыром виде, перед разбором должны были подвергаться соответствующей обработке. В разбор поступала только готовая к употреблению пища. И в этой связи нельзя не отметить, что у многих австралийских племен, у которых отмечено существование только таких форм распределения, которые не предполагали предварительного превращения продуктов в готовую пищу, добыча тем не менее перед распределением подвергалась кулинарной обработке³⁰. На наш взгляд, это обыкновение следует рассматривать как пережиток разборных отношений.

Очень интересно сообщение Т. Уиффена об уитото Бразилии. У них мужчины одного рода вместе с женами живут обычно в одном (единственном в селении) доме. Род возглавляется вождем, очаг которого является одновременно и родовым. Как пишет Т. Уиффен, «на племенном (т. е. родовом.— Ю. С.) костре, или костре вождя, стоит племенной (родовой) горшок с пищей, который открыт для всех, так как все пополняют его, по крайней мере все неженатые воины должны так делать. Этот горшок никуда не убирается и огонь под ним никогда не гаснет»³¹.

Существование обычая подобного рода отмечено у людей, живущих в другой части света и в совершенно иных условиях — хантов Васюганской тундры. По словам очевидца, посреди их селения пылал общий огонь, на котором стоял котел с кипящей водой. И каждый имел полное право взять долю варившейся в котле рыбы, кем бы она ни была добыта³². Интересно, что таким образом распределялась исключительно по лишь вареная рыба, т. е. такая, которая могла быть использована исключительно лишь для еды и никакой другой цели. Здесь в наглядной

²⁶ A. W. Howitt. Native tribes of South-East Australia. London, 1904, p. 763.

²⁷ A. W. Howitt. Указ. раб., с. 767.

²⁸ Там же, с. 767.

²⁹ Там же, с. 764.

³⁰ A. W. Howitt. Указ. раб., с. 756, 758, 759, 762—765.

³¹ T. Whiffen. The North-West Amazon. London, 1914.

³² К. Очерки Васюганской тундры. Тундра, лес; реки, быт остяков.— «Тобольские губернские ведомости», 1858, № 11.

форме проявлялась одна из основных особенностей разборно-коммуналистических отношений — неотделимость распределения от потребления, переход пищи только в потребление, но не в собственность и распоряжение индивида.

Сходный обычай существовал у манси. У них бедняки могли беспрепятственно брать рыбу, причем опять-таки только для еды. У них же охотник, нуждавшийся в пище, мог взять ее из чужого запаса, и при этом возмещать взятое он был не обязан³³.

Обычай, сходный с последним, отмечен у якутов. У них путник, нуждавшийся в пище, имел право безвозмездно взять ее в отсутствие хозяина³⁴. У эвенков повсеместно любой охотник, нуждавшийся в пище, мог без малейшего опасения взять половину, а при необходимости и все мясо зверя, попавшего в чужую ловушку. Он лишь был обязан оставить на месте шкуру и голову животного³⁵.

Но у эвенков разборные отношения существовали и в значительно более явственной форме. Когда, например, приаянские эвенки убивали нерпу, то каждый брал столько мяса, сколько ему нужно было для пропитания³⁶. Когда у них же охотник убивал много каменных баранов, то каждый из соседей мог взять столько мяса, сколько мог унести³⁷. У тех же самых приаянских эвенков потребление рыбы во время промысла, который велся артельно, было совершенно свободным: «каждый ест, сколько хочет, из общего улова»³⁸.

«Сушенная рыба, являющаяся главной пищей гиляков, — сообщает Л. Я. Штернберг, — рассматривается почти как общая собственность, и всякий, у кого вышла, берет ее у соседей без всяких возражений. Во всяком случае, никто не голодает, пока хоть у кого-нибудь из сородичей есть запасы»³⁹. Важно подчеркнуть, что все это говорится о народе, у которого, как сообщает Л. Я. Штернберг, даже внутри больших семей, ведущих общее хозяйство, отдельные их члены являлись самостоятельными собственниками различного рода движимого имущества и у которого кража считалась величайшим грехом, покрывавшим человека позором⁴⁰.

У юкагиров к человеку, запасшему много рыбы, приходили без приглашения все остальные члены его группы, причем они нередко питались у него в течение всей зимы⁴¹. Вероятно, остатки разборно-коммуналистических отношений существовали у нанайцев. Во всяком случае, И. А. Лопатин, описывая их общественные отношения, утверждал, что у этого народа «заготовленные пищевые продукты, как и жилище, считаются общими для всего стойбища, подобно воздуху и воде»⁴².

Во всех приведенных выше случаях мы имели дело с разбором продуктов охоты и рыболовства. Однако имеются примеры в сущности такого же распределения и продуктов собирательства. У индейцев номлаки (Калифорния) основную часть пищи составляли жолуди. Как сообщает В. Гольдшмидт, жолуди, собранные всеми семьями селения,

³³ К. Носилова. Юридические обычаи маньсов. — «Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее», вып. III. М., 1888, с. 68.

³⁴ П. Р-в. От Калыма до Якутска. — «Сибирь», 1885, № 7.

³⁵ А. Миддендорф. Указ. раб., с. 713.

³⁶ Э. К. Пекарский и В. П. Цветков. Очерки быта приаянских тунгусов. — «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. II, вып. I, СПб., 1913, с. 54, 55.

³⁷ Там же, с. 62.

³⁸ Там же, с. 43.

³⁹ Л. Я. Штернберг. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. Л., 1933, с. 40.

⁴⁰ Там же, с. 12, 14.

⁴¹ Доктор Кибер. Замечания о некоторых предметах естественной истории, учиненные в Нижне-Колымске и окрестностях онога в 1821 году. — «Сибирский вестник», 1823, ч. 2, с. 133, 134.

⁴² И. А. Лопатин. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Опыт этнографического исследования. Владивосток, 1922, с. 19.

хранились в общем складе. И из этого общего запаса каждая семья по мере надобности брала столько, сколько ей нужно было для удовлетворения своих текущих нужд. Вождь, под контролем которого находился склад, не выдавал жолуди. Он лишь следил за тем, чтобы каждая семья брала не больше, чем ей нужно для пропитания⁴³.

У полинезийцев мы сталкиваемся с разбором и продуктов земледелия. На о. Пасхи, например, каждый человек имел право войти в огород близкого родственника и без всякого разрешения взять там столько продуктов, сколько необходимо для удовлетворения нормальных нужд его семьи в пище, однако не больше⁴⁴.

Отдельные пережитки разборно-коммуналистических отношений в области распределения пищи встречаются и у народов, находившихся на стадии классового общества. Так, например, в некоторых местах Архангельской губернии еще в XIX в. не считалось воровством, если человек брал на чужом огороде овощи для еды⁴⁵. Подобного же рода обычай был зафиксирован в XIX в. в станице Темижбековской на Северном Кавказе. Там не считалось грехом сорвать арбуз на чужой бахче, срезать кочан капусты, вырыть ведро картофеля, вырвать несколько редек или бураков на чужом огороде, вытрясти рыбу из чужой мережи с рыбой, но при одном непереносимом условии: взятое должно быть использовано только для еды, но не для продажи⁴⁶. О том, что такого рода обычай имел в прошлом довольно широкое распространение, достаточно красноречиво свидетельствует «Устав о земских делах», в котором говорится, что «аще неции в винограды, или в сады входят в чужие, аще вьяши токмо внидоша, неповинни суть»⁴⁷.

Как уже отмечалось, основную массу жизнеобеспечивающего продукта составляла пища. Разборно-коммуналистические отношения и возникли прежде всего как отношения собственности на пищу и распределение пищи. Однако на той стадии, когда они были единственно существующими социально-экономическими отношениями, они неизбежно распространялись на все вещи вообще, не исключая ни предметов потребления, ни средств производства. Ведь совершенно очевидно, когда вся пища была полной и безраздельной собственностью коллектива, то тем самым полной собственностью коллектива были и орудия, которые использовались для добывания пищи, и средства труда, при помощи которых эти орудия изготовлялись, и вообще все продукты труда без исключения.

Вещи, находившиеся в разборно-коммуналистической собственности, не могли переходить ни в собственность, ни даже в распоряжение индивидов. Единственным собственником и распорядителем оставался коллектив в целом, а отдельные его члены могли лишь потреблять вещи, пользоваться ими. В силу того, что вещи находились в полной собственности и полном распоряжении коллектива, право пользоваться каждой из них имел любой член общества. Но если вещь была предназначена для индивидуального, а не коллективного пользования, то в каждый данный момент реализовать это право, т. е. физически потреблять ее, мог только один человек. В применении к таким условиям распределение было не чем иным, как реализацией отдельными членами коллектива

⁴³ W. Goldschmidt. *Nomlaki ethnography*.—«University of California publications in American archaeology and ethnology», v. 42. Berkeley and Los Angeles, 1951, p. 324.

⁴⁴ E. N. Ferdon. *Easter Island exchange systems*.—«Southwestern journal of anthropology», v. 14, № 2, 1958, p. 145, 146.

⁴⁵ П. Е. Ефименко. Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. Книга первая.—«Труды Архангельского губернского статистического комитета за 1867 и 1868 гг.», вып. 3, Архангельск, 1869, с. 278.

⁴⁶ Е. Передельский. Станица Темижбековская и песни, поющиеся в ней.—«Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 3, Тифлис, 1883, с. 21, 22.

⁴⁷ П. Е. Ефименко. Указ. раб., с. 278, 279.

ва их права пользоваться вещами, находящимися в полной собственности коллектива.

И здесь мы сталкиваемся с различием в распределении вещей и пищи, вытекающим из различия между физическим потреблением вещей и физическим потреблением пищи. Данную порцию пищи можно было потребить только раз. Съеденная пища переставала существовать и тем самым выпадала из последующего распределения. Иными словами, право на каждую конкретную долю пищи могло быть реализовано только один раз. В отличие от пищи каждой конкретной вещью можно было пользоваться неоднократно в течение более или менее длительного времени. Поэтому неоднократный характер могло носить и распределение вещи. Право на потребление вещи могло быть реализовано в каждый конкретный момент только одним лицом. Пока он пользовался вещью, права всех остальных членов коллектива на эту вещь носили лишь потенциальный характер. Но как только он переставал пользоваться вещью, любой член коллектива мог реализовать это свое право.

У всех народов, известных этнографии, господствовали иные формы коммуналистической собственности на вещи. Однако наряду с последними у некоторых из них в какой-то степени продолжала существовать и разборно-коммуналистическая собственность. И среди таких народов в первую очередь могут быть названы эскимосы.

Как пишут все без исключения исследователи, все вещи личного пользования (одежда, орудия, оружие, утварь и т. п.) находились у эскимосов в индивидуальной собственности. Человек мог распоряжаться принадлежащими ему вещами, в частности дарить, обменивать, передавать по наследству. К. Биркет-Смит в своей работе об эскимосах карибу особо подчеркивает, что право индивидуальной собственности у них уважалось и строго соблюдалось⁴⁸. Однако буквально тут же сообщает, что когда у них собственник сам не пользовался вещью, то его права на нее носили весьма ограниченный характер⁴⁹. Так, например, охотничьи загороди, капканы и рыболовные приспособления, которыми не пользовались хозяева, могли свободно использовать все желающие, и люди, считавшиеся собственниками, не могли этому воспрепятствовать⁵⁰.

Если у эскимосов карибу человек терял или портил полученную взаймы вещь, то он совершенно не обязан был компенсировать урон, нанесенный владельцу. И объяснялось это просто. Когда человек давал вещь в пользование другому, то тем самым он фактически признавал, что не нуждается в ней. В результате он во многом терял право на нее⁵¹. Буквально то же самое сообщают исследователи и о других группах эскимосов⁵².

У эскимосов Гренландии человек, уже имевший палатку и умиак, не мог наследовать ни один из этих предметов. Обосновывалось это правило тем, что ни один человек не может одновременно пользоваться более чем одной такой вещью⁵³. И наконец, как сообщает Г. Ринк, если у западногренландских эскимосов человек имел больше одежды, чем обычно, то общественное мнение заставляло его отдавать излишнюю в пользование другим людям⁵⁴.

У австралийцев йир-йоронт, как и у подавляющего большинства народов первобытного общества, вещи непрерывно переходили из рук

⁴⁸ К. Birket-Smith. The Caribou Eskimos..., p. 263.

⁴⁹ Там же, с. 263, 264.

⁵⁰ Там же; см. также К. Birket-Smith. The Eskimos, p. 149.

⁵¹ К. Birket-Smith. The Caribou Eskimos..., p. 264.

⁵² H. Rink. Указ. раб., с. 29; D. Jenness. Указ. раб., с. 89; E. M. Weyer. Указ. раб., с. 194.

⁵³ К. Birket-Smith. The Eskimos..., с. 149.

⁵⁴ H. Rink. Указ. раб., с. 29.

Н- в руки. И в числе других способов их перехода от одного лица к друго-
и му Л. Шарп называет «апроприацию», определяя последнюю как такое
е- взятие вещи без разрешения владельца, которое не представляет
ю- собой кражу, является законным⁵⁵. Остатки разборно-коммуналистиче-
гь- ской собственности на вещи были описаны у тех же самых папуасов
а- сиане, у которых существовали пережитки разбора пищи. Как сообщает
ю- Р. Салисбери, индивидуальная собственность существовала у сиане в
ю- четком и оформленном виде. Право собственности у них столь уважа-
е- лось, что, например, муж не мог войти в огород жены без ее разреше-
в- ния. В противном случае он мог быть сочтен за вора. Кража у сиане
я- считалась оскорблением личности владельца, и последний имел право
и- подвергнуть вора физическому наказанию⁵⁶.

И в то же время если собственник сам не пользовался принадлежа-
ю- щей ему вещью, то пожелать ею воспользоваться мог любой член рода.
о- И собственник не мог ему отказать. И это не все. Как сообщает Р. Са-
о- лисбери, когда человек становился владельцем нового орудия, то им
ы- пользовались все члены рода, что приводило к быстрому износу. Новую
г- одежду человек носил лишь несколько дней, а затем ею пользовались
в- другие члены рода поочередно⁵⁷. И все эти обычаи ни в коем случае
о- нельзя рассматривать как новообразование. Они находились в резком
у- противоречии с уже начавшимся у сиане процессом имущественной
дифференциации.

Выше, когда речь шла о разборе пищи, нами уже упоминались поли-
незийцы о. Пасхи. Но так же, как и у сиане, разборно-коммуналистиче-
ская собственность не ограничивалась у них только пищей. Она рас-
пространялась и на вещи. Интереснейший материал по этому вопросу
содержится в статье Э. Фердона «Системы обмена на о. Пасхи». Одну
из выделенных им «систем обмена» он именует «кража-торговля»⁵⁸.
В действительности здесь нет ни кражи, ни торговли, ни обмена вооб-
ще. Суть описанной формы экономических отношений заключалась в
том, что каждый человек, принадлежащий к определенной родственной
группе, имел право без спроса и разрешения взять любую вещь, при-
надлежавшую любому другому члену этой же родственной группы. Он
мог войти в дом родственника и взять все, что ему заблагорассудится.
Единственное ограничение — перед уходом он должен показать взятую
вещь ее бывшему хозяину. Он мог взять вещь из кармана родственни-
ка, из его сумки, снять с его тела⁵⁹.

Такого рода форма распределения находилась в резком противоре-
чии с господствовавшими в обществе островитян Пасхи экономически-
ми отношениями. В частности она препятствовала развитию имущест-
венной дифференциации. И как средство нейтрализации описанной фор-
мы распределения возникло обыкновение хранить самое ценное иму-
щество в пещерах, тайна существования которых тщательно оберега-
лась от всех окружающих⁶⁰. Как сообщал еще Лаперуз, туземцы
о. Пасхи хранили в секретных тайниках провизию, утварь, вообще все
имущество, которым владел человек⁶¹.

Нельзя в этой связи не упомянуть, что обыкновение хранить в тай-
никах самую ценную часть имущества существовало и у других наро-
дов, находившихся на той же стадии эволюции. Так, например, у папуа-
сов капауку (Западный Ириан) состоятельные люди прятали свои

⁵⁵ L. Sharp. Ritual life and economics of the Yir-Yoront of Cape York peninsula.—
«Oceania», v. 5, № 1, 1934, p. 38.

⁵⁶ R. F. Salisbury. Указ. раб., с. 63.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ E. N. Ferdon. Указ. раб., с. 144—146.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же, с. 146.

⁶¹ Там же.

богатства в секретных пещерах⁶². Существование подобного рода тайников отмечено у дагомейцев⁶³.

Приведенные выше факты, на наш взгляд, дают достаточное основание для вывода, что самой ранней, первоначальной, исходной формой первобытнообщинных отношений вообще, коммуналистических в частности, были разборно-коммуналистические отношения. Разборно-коммуналистической была собственность как на средства производства, так и на средства потребления. Разборными были отношения распределения. Однако разборно-коммуналистические отношения безраздельно господствовали лишь на самом раннем этапе эволюции первобытной коммуны. С появлением избыточного продукта наряду с ним возникли новые отношения, которые постепенно оттеснили разборно-коммуналистические на задний план и стали господствующими. Но проблема эволюции коммуналистических отношений выходит за рамки данной статьи. Это предмет другой работы.

ON THE INITIAL FORM OF PRIMITIVE SOCIAL-ECONOMIC RELATIONS

The origination of a scientific theory of primitive economy is an important task of contemporary research. Such a theory must, first of all, represent a reconstruction of the objective logic underlying the evolution of the system of production relations in primitive society. Hence the particular importance of uncovering the original, initial form of these relations. On the strength of present-day amassed factual scientific knowledge the conclusion is reached that in the early stages of the evolution of primitive society there was a complete predominance of a type of social-economic relations that the author proposes to term *communalistic*. Under these relations a group's aggregate produce was the property of the group as a whole; this became manifested by its being distributed among all of the group's members, whether they had or hadn't taken part in its production. In the initial form of communalistic relations the product created within the social organism was not only completely owned by the group as a whole but also completely and indivisibly at its disposal. Each member of the group had right to a share of the product but he did not acquire it as his property or have it at his disposal; he could only physically consume it. Under this form of economic relations no member of a group received his share from anyone. He simply *took* it from the mass of the product belonging to the group. Hence such relations of distribution may be termed *taking* relations, and these social-economic relations as a whole — *take-communalistic* relations. Examples of taking relations are given: among many peoples living in the stage of primitive society (Australian Aborigines, Bushmen, Eskimos, Veddas, Papuans, Evenks etc.) they existed side by side with social-economic relations of later origin.

⁶² L. Pospisil. Kapauku popuan economy.— «Yale university publications in anthropology», № 67, New Haven, 1963, p. 311.

⁶³ M. J. Herscovits. Dahomey: An ancient West African kingdom, v. 1, N. Y., 1938, p. 81.